

Е. И. РОМБАНДЕЕВА (Ленинград)

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В МАНСИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В некоторых финно-угорских языках большое значение имеет противопоставление определенности//неопределенности. Для выражения данных грамматических понятий разные языки используют различные грамматические средства¹: а) формы спряжения глагола (в венгерском, мордовском, мансийском, ненецком)²; б) падежные формы имени (в финском, ненецком)³; наряду с формой спряжения глагола — указательное и неуказательное склонения⁴, в ненецком, пермских и марийских — лично-притяжательные суффиксы⁵; в) служебные слова (в венгерском⁶ и в зачаточной форме в мансийском).

В литературе отмечается, что в мансийском языке существуют объектные и безобъектные формы спряжения глагола, которые обусловлены противопоставлением определенности//неопределенности объекта действия. Этот факт не вызывает возражений. Что касается субъекта действия, то такого противопоставления в нем до сих пор никто не отмечал. По нашим наблюдениям, данные языка дают основание утверждать, что в нем существует противопоставление определенности//неопределенности как объекта, так и субъекта действия. Для противопоставления определенности//неопределенности субъекта действия в мансийском языке употребляется так наз. пассивная форма⁷ спряжения глагола. Противопоставление определенности//неопределенности субъекта и объекта действия пронизывает всю грамматическую систему

¹ Д. Киекбаев, О грамматической категории определенности и неопределенности в урало-алтайских языках. — СФУ I 1965, стр. 237.

² К. Е. Майтинская, Венгерский язык I, Москва 1955, стр. 211; Д. В. Бубрих, Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск 1953, стр. 132—137; М. Е. Евсеев, Избранные труды IV, Саранск 1963, стр. 208—242; В. Н. Чернецов, Мансийский (вогульский) язык. — Языки и письменность народов Севера I, Москва—Ленинград 1937, стр. 184.

³ Грамматика финского языка, Москва—Ленинград 1958, стр. 76, 78; Н. М. Терещенко, Способы выражения прямого дополнения в ненецком языке в связи с характером объекта. — Congressus internationalis fenno-ugristarum Budapestini, Budapest 1963, стр. 263 и сл.

⁴ Д. В. Бубрих, указ. раб., стр. 40, 79—81; М. Е. Евсеев, указ. раб., стр. 56—101.

⁵ Современный коми язык, Сыктывкар 1955, стр. 149—152; П. Кокла, Притяжательные суффиксы в марийском языке. Автореферат, Таллин 1963, стр. 35—36.

⁶ В. И. Клепко, Употребление определенного артикля в современном венгерском языке. — Вопросы языка и литературы, вып. 4, Москва 1964, стр. 116—147.

⁷ В мансийском языке пассивной формой спряжения глагола признавали глагольную форму с морфемой *-w(e)*, более подробно об этой форме см. ниже.

мансийского языка и выражается при помощи разного рода грамматических средств: глагольных форм спряжения (объектного, безобъектного и так наз. пассивного), падежных форм имени, а также в некоторых случаях служебных слов (артиклей и послелогов).

На анализе построения предложений (характеристике и значимости порядка слов в предложении, функции логического ударения в каждом типе предложений и морфологическом оформлении членов предложения), связанном с выделением определенности//неопределенности объекта и субъекта действия через формы спряжения глагола, мы и рассмотрим наше внимание.

1. Предложения с глаголом-сказуемым в форме безобъектного спряжения употребляются в том случае, когда субъект и объект действия воспринимаются говорящим как неопределенные. Примеры: *akim tolij jūntsi* 'дед (мой) чинит невод'; *ūrinēkwa lām tēγ* 'ворона ест черемуху'; *pāntum kojkwē ruwum* 'дядя (мой) поймал, оказывается, детеныша лебеда'.

В этой группе предложений слова, выражающие субъект и объект действия, стоят в форме основного падежа. В результате порядок членов предложения следующий: подлежащее всегда предшествует прямому дополнению, глагол-сказуемое стоит в конце предложения и имеет форму безобъектного спряжения. Интонация в таких предложениях почти ровная, лишь чуть заметно повышается к концу предложения — в пределах глагола-сказуемого и предшествующего ему прямого дополнения. Посредством этих предложений и указанной интонации передается нейтральность действия, констатируется лишь факт действия или состояния.

Однако бывают случаи, когда в предложениях с глаголом-сказуемым в форме безобъектного спряжения интонационное ударение падает только на объект действия или только на глагол-сказуемое, например, *pūγriš χasnejīwe jorγi* 'мальчик чинит (свой) карандаш'. В этом предложении интонационно выделяется прямое дополнение (объект действия) и тем самым сообщается, что именно данный предмет подвергается действию. Другой пример: *āγi sup jūnti* 'девушка уже шьет платье'. Здесь интонационно выделяется глагол-сказуемое и тем самым сообщается, что субъект действия должен был производить действие и уже приступил к выполнению его (при безобъектном спряжении эта интонация встречается редко).

Из приведенных примеров видно, что интонационное ударение наделяет слово при его особом выделении дополнительной коммуникативной нагрузкой. Так, в первом предложении оно выделяет имя из других возможных, а во втором предложении — одно действие из множества других возможных действий. Еще несколько примеров: *naη manriγ pūt at wārsən?* 'ты почему пищу не приготовил?' (имеется в виду пища вообще). Здесь интонационно выделяется глагол-сказуемое, имеющий форму безобъектного спряжения; объект воспринимается говорящим как неизвестный заранее, неопределенный.

ēkway māštər āγin sup jūntəltasiγ 'женщины (двое) мастерице отдали шить платье'. В этом четырехчленном предложении (где налицо субъект и объект действия, адресат и глагол-сказуемое) интонация ровная и лишь едва заметно повышается в пределах двух последних слов — прямого дополнения и глагола-сказуемого. Такое предложение констатирует лишь факт действия.

2. Предложения с глаголом-сказуемым в форме объектного спряжения в мансийском языке употребляются при наличии не всякого объ-

екта, выраженного прямым дополнением, а лишь объекта (прямого дополнения), воспринимаемого говорящим как определенный. Определенность объекта действия в глагольной форме морфологически передается посредством специальных суффиксов (для 1, 2 л. ед. числа объекта употребляется суффикс *-l*, для 3 л. — суффикс *-(t)e*, для двойственного числа объекта — суффикс *-(a)ʔ*, для мн. числа — суффикс *-an*). Примеры⁸: *akim tolye jūntsīte* 'дед (мой) уже чинит (свой) невод'; *ūrinēkwa nār lāmāt tēmane* 'ворона, оказывается, неспелые ягоды черемухи уже съела'; *pāntum nāwalam kojfēte piwāste* 'дядя (мой) детеныша ледя, за которым он гонялся, уже поймал'.

В этих предложениях слова, выражающие субъект и объект действия, также имеют форму основного падежа.⁹ Порядок членов предложения — точно установленный (даже в тех предложениях, когда объект — прямое дополнение — обозначает неодушевленный предмет, а субъект-подлежащее — одушевленный): подлежащее предшествует прямому дополнению, а глагол-сказуемое стоит в конце предложения, имея форму объектного спряжения, так как объект действия воспринимается говорящим как определенный. Глагол-сказуемое оформляется специальным суффиксом объекта. Определенность объекта действия здесь передается главным образом посредством интонационного ударения, которым выделяется во всех предложениях этого типа только глагол-сказуемое, в связи с этим интонация повышается к концу предложения, в пределах глагола-сказуемого.¹⁰ Действие в предложениях с такой интонацией воспринимается как уже завершённое, если глагол-сказуемое имеет форму прошедшего времени (см. например, второе и третье предложения), или как такое, которое будет завершено или к выполнению которого уже приступили, если глагол-сказуемое имеет форму настоящего времени (см., например, первое предложение).

Кроме глагольной (маркированной морфологически и интонационно), определенность объекта действия может быть выражена грамматической формой слова (т. е. слово, выражающее объект — прямое дополнение, оформляется притяжательным суффиксом, см. в первом и третьем предложениях слова-объекты: *toly-e*, *kojfē-te*)¹¹ или лексически (т. е. слово, выражающее объект — прямое дополнение, имеет при себе определение, которое дает понять, что данный предмет уже был известен говорящему, например, см. во втором предложении слово, выражающее объект действия — *lāmāt* 'ягоды черемухи', имеет при себе определяющее слово *nār* 'сырой, неспелый').

В этой группе предложений согласование глагола-сказуемого с другими членами предложения следующее: с подлежащим согласование проводится в числе и лице, с объектом действия — только в числе. Интонационное ударение с его строго определенным местом (оно выделяет только глагол-сказуемое) тоже несет определенную грамматическую нагрузку, т. е. служит тому, чтобы передать определенность объ-

⁸ Для большей наглядности иногда повторяем те же предложения, лишь соответственно меняем формы, грамматические связи слов.

⁹ При четырехчленном (и многочленном) предложении, когда кроме объекта действия имеется адресат, который воспринимается тоже как определенный, определенность объекта действия передается посредством косвенно-падежной формы.

¹⁰ В предложениях 1 и 2 групп слово, выражающее субъект действия, никогда не выделяется интонационным ударением.

¹¹ Суффиксы объекта в 3 л. ед. числа отделены дефисом.

екта действия. Здесь, как и в предыдущей группе предложений, субъект действия не воспринимается говорящим как определенный и слово, выражающее его, никогда не выделяется интонационным ударением и всегда имеет форму основного падежа.

3. Предложения с глаголом-сказуемым, оформленным суффиксом $-w(e)$ ¹², употребляются в том случае, когда субъект действия воспринимается говорящим как определенный. Определенность субъекта действия передается специальной глагольной формой с указанным выше суффиксом $-w(e)$, а также посредством косвенно-падежной формы слова, выражающего субъект действия, и его интонационного выделения в устной речи.¹³ Примеры: *tolij̄ akim-n jūnts-(a)w(e)* 'невод чинит (мой) дед (а не кто-либо другой)'; *ñār lāmət ūrinēkwa-n taj-wē-sət* 'неспелые ягоды черемухи съела (именно) ворона (а не кто-либо другой)'; *kojkwe pāntum-n piw-we-s* 'детеныша лебедя поймал (именно) (мой) дядя (а не кто-либо другой)'

В этих предложениях слово, выражающее субъект действия, стоит в форме направительного падежа с формантом $-n$ и обязательно находит отражение в глаголе-сказуемом посредством морфемы $-w(e)$. Интонационно выделяют только слово, выражающее субъект действия, с целью подчеркнуть его. Следовательно, маркирование имени, выражающего субъект действия, происходит при логической акцентуации субъекта действия¹⁴, когда необходимо передать мысль, что именно лицо, уже заранее известное говорящему, производит действие, т. е. субъект действия воспринимается говорящим как определенный.¹⁵ Форма направительного падежа имени существительного и глагольная форма с суффиксом $-w(e)$ в рассматриваемых конструкциях выражают определенность субъекта действия.

В этой группе предложений имя, обозначающее объект действия, имеет форму основного падежа, оно тоже воспринимается говорящим как определенное. Определенность объекта передается посредством его отражения в глаголе-сказуемом наряду со словом, выражающим субъект действия, т. е. глагол-сказуемое согласуется со словом — объектом действия — в числе¹⁶, как и в объектном спряжении при наличии определенного объекта. Порядок слов здесь строго фиксирован: при трехчленном предложении имя, выражающее субъект действия и выделенное интонационно, стоит непосредственно перед сказуемым, объект действия — в начале предложения, глагол-сказуемое — в конце предложения.¹⁷

¹² Гласный суффикса факультативно может опускаться.

¹³ Внимание этим конструкциям предложений уделялось неоднократно, см. например, Ö. Lavotha, *Das Passiv in der wogulischen Sprache*. — JSFOu 62, Helsinki 1960.

¹⁴ В некоторых родственных мансийскому языкам слово, выражающее субъект действия, при его подчеркивании также оформляется косвенным падежом, например, см. А. Валмет, *Семантические функции партитива в эстонском языке*. — Вопросы финно-угорского языкознания, Москва—Ленинград 1964, стр. 91.

¹⁵ В этих типах предложений субъект действия выражается только именем существительным, но не местоимением, так как местоимение обозначает отвлеченное, неопределенное имя.

¹⁶ Рассматриваемую в этом разделе глагольную форму, может быть, следовало бы называть субъектно-объектной наряду с рассмотренными выше объектной и безобъектной формами спряжения глагола, так как данная глагольная форма употребляется при определенности субъекта и объекта действия.

¹⁷ В четырехчленном и многочленном предложениях, например, с глаголом-сказуемым в каузативной форме порядок слов и интонационное ударение несколько меняются.

Еще несколько примеров: *koluw šaxəlŋ sakwatawes* 'наш дом разбил (именно) гром (а не что-либо другое)'; *χāraŋiw χuprən sakwatawesiy* 'наши лодки разбила (именно) волна (а не что-либо другое)'; *ñālanum akim ōjkan noχ-wōrtwēst* 'мои слопцы насторожил (именно) мой дед (а не кто-либо другой)'.¹⁸

Следует напомнить, что глагольную форму с морфемой *-w(e)* до сих пор считали пассивнозалоговой. В связи с этим в мансийском языке выделяли активный и пассивный залогов. Предложения с этой глагольной формой (и с субъектом действия выраженным именем в форме направительного падежа) относили также к группе безличных предложений.¹⁹

Как мы стремились показать выше, глагольная форма с морфемой *-w(e)* является не показателем залога, а показателем определенности субъекта действия в глагольной форме. Структура предложения с этой глагольной формой не воспринимается пассивной. Она представляет собой разновидность активной структуры предложения, однако не номинативной. Рассматриваемые конструкции предложений не могут быть названы и безличными ни с логической, ни с грамматической стороны, так как логический субъект действия в предложениях этого типа всегда реально наличествует, слово, выражающее его, обозначается именем в форме направительного падежа, а в роли грамматического подлежащего выступает объект действия, выраженный именем в форме основного падежа, с которым сказуемое согласуется в числе.

Однако в этом типе предложений слово, выражающее субъект действия, формально может быть пропущено в случае, если его наличие подсказывается а) связным контекстом, б) семантикой глагола (во избежание тавтологии), в) если под именем, выражающим субъект действия, подразумевается обобщенное лицо (а именно: *все, любой, каждый*).²⁰

Итак, рассмотренные выше глагольные формы в мансийском языке служат одной цели — показать противопоставление определенности//неопределенности субъекта или объекта действия. Безобъектная форма спряжения глагола употребляется при наличии неопределенного субъекта и объекта действия; объектная форма спряжения глагола употребляется при наличии определенного объекта действия, причем субъект действия воспринимается как неопределенный; форма спряжения глагола с морфемой *-w(e)* употребляется при наличии определенного субъекта действия, причем объект действия говорящим воспринимается также определенным.

Как отмечалось в начале статьи, противопоставление определенности//неопределенности в мансийском языке передается не только формами спряжения глагола, но и другими грамматическими средствами, которым будет уделено внимание в специальной статье.

¹⁸ См. соответствующие разделы грамматических очерков по мансийскому языку, названных выше.

¹⁹ А. И. Емельянов, К вопросам мансийской грамматики. — Советский Север, № 4, 1939, раздел II.

²⁰ Аналогичные неполные (в смысле чисто грамматическом) предложения, как известно, допускаются и при объектном спряжении глагола, когда наличие определенного объекта подсказывается контекстом или формой глагола.

ON DEFINITE v. INDEFINITE IN MANSI

The article treats of three forms of verbal conjugation in Mansi: objectless, objective, and the form in *-w(e)*. All these forms serve to express the opposition of definite v. indefinite in the subject or the object; the objectless form is used together with the indefinite logical subject or object; the objective form is used together with the definite logical object, the logical subject being looked upon as indefinite; the form in *-w(e)* is used together with the definite logical subject, the logical object being likewise regarded as definite.